

Все мы в молодости увлекались поэзией

Category: Hekaýalar, Kitapcy, Satiriki hekaýalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Все мы в молодости увлекались поэзией ВСЕ МЫ В МОЛОДОСТИ
УВЛЕКАЛИСЬ ПОЭЗИЕЙ

Кто из нас в годы юности не был поэтом! Свободные вечера я проводил обычно в кабачке «Голова верблюда». Там собирался весь цвет Анкары, все, в ком билась творческая мысль. Поэты, прозаики, художники, артисты пили, читали стихи, вели горячие споры, которые нередко кончались всеобщей патасовкой.

В ту пору и две с половиной лиры считались большими деньгами. Только в конце месяца нужно было крепче держать их, чтобы не истратить...

Рабочий день кончился. Я шел домой. Не успел я переступить порог, как жена – чтоб ей икнулось, где она теперь, не знаю – печально проговорила:

– Хасан мой, не уходи сегодня никуда, останься дома, поужинаем вместе...

– Что ж, неплохо, дорогая, – согласился я.

Лениво, с сознанием своего полного ничтожества – в карманах пустота – шагал я из угла в угол и сгорал от желания прочитать друзьям новые стихи.

«Будь проклята эта бедность!» – бормотал я про себя. Жена слышала мои вздохи и поняла наконец, что я расстроен.

– Хасан мой, может, тебе лучше пойти в кабачок, дома ты скучаешь.

Будь у меня хоть один свободный грош, мой след давно бы простыл.

– Ты что, не хочешь провести со своим мужем и одного вечера? – гаркнул я.

У жены, из глаз, конечно, закапали слезы, а чтоб скрыть их, она начала накрывать на стол, напевая какую-то веселую песенку.

Столько друзей, и хоть бы один пришел и сказал: «Пошли, дружище, скоротаем вечерок в «Голове верблюда». Как бы не так! Они, подлецы, кружатся вокруг меня только тогда, когда чуют деньги. Правда, если бы я сейчас отправился в кабачок, кто-нибудь поставил бы мне стаканчик. Но я сам себе накинул петлю на шею и сижу с женой – ужинать по семейному собираюсь! Как тут уйти, если жена плясать готова от счастья, что я дома. Не скажешь: «Я, милая, передумал и сейчас ухожу...»

Вот если бы кто-нибудь пришел и настоятельно попросил пойти с ним «по делу», я, конечно, не смог бы обидеть товарища, а она бы остановить не посмела...

Вдруг звонок.

– Кто там? – закричал я с надеждой.

– Это Хайдар-бей, – проговорила жена.

Кемаль Хайдар! Я считал его самым способным молодым поэтом. Молодец Хайдар! Я побежал вниз, прыгая через несколько ступенек, бросился ему на шею, будто несколько лет не видел, хотя расстались мы только вчера вечером!

– Заходи, заходи, мой Хайдар! Вот хорошо, что ты пришел, брат мой, душа моя!

– Ты брось! Что мне делать у тебя? Собирайся лучше и пошли! – буркнул Хайдар.

– Тише... тише! – зашептал я. – Жена услышит... Она меня сегодня упросила побыть дома. У меня ни гроша, пришлось согласиться. Она уже на стол накрывает. Тебя послал ко мне сам Аллах...

– Не Аллах, а пустота в кармане. Хочу в кабачок, да не на что, вот и зашел к тебе.

– Так, ясно! Были бы у тебя деньги, ты бы ко мне не пришел.

– Что тут разговаривать, собирайся, пошли, пропустим по стаканчику.

– Помилуй, Хайдар Кемаль, да я сам без гроша!

– Ну, тогда сиди дома и ужинай со своей женой!.. Привет! Я схватил его за руку:

– Да постой, ты совсем потерял совесть! Бросить друга в беде! У меня есть две лиры. По стаканчику выпьем и разойдемся.

В те времена на две лиры можно было купить по два стакана вина и еще закуску. Если бы Хайдар знал, что у меня две с

половиной, он наверняка уговорил бы меня взять бутылку вина. Но я хотел оставить эти пятьдесят курушей на завтра, чтобы перекусить на работе.

– Ну собирайся, две лиры – это не так уж плохо...

– Теперь помоги мне выбраться из дому. Надо что-то придумать! Например, кто-то из приятелей при смерти лежит, к нему нужно срочно поехать...

На такого рода выдумки Хайдар был большой мастер.

Мы поднялись наверх.

– Прошу к столу, – пригласила жена.

– Прошу, – повторил я.

– Благодарю, – сказал Хайдар. – Но как быть, наш друг Ниязи заболел, в бреду все время вспоминает тебя!

– Вот неприятность!.. Вах, вах! Как ты меня огорчил!

– Нельзя терять времени. Я надеюсь, ты поедешь?

– Поужинаем быстро и пойдем!

– Да что ты! Бедняга вот-вот отдаст душу Аллаху... Не до ужина...

– Значит, ему очень худо?!

– Вряд ли до утра дотянет... Ну, я пошел... Я посмотрел жене в глаза.

– Ступай с ним, – проговорила она, – буду тебя ждать, не сяду ужинать...

– Нет-нет, не жди меня, поужинай сама, дорогая... Я могу задержаться. Подумать только: бедняга Ниязи без памяти...

Я схватил пиджак и выскочил на улицу.

В «Верблюжей голове» вечер в разгаре, негде яблоку упасть. Поэты и писатели, полуписатели и полупоэты, поэты на четверть, начинающие и стареющие литераторы, разбившись на группки, сидели за столиками, читали свои творения, пили, спорили, кричали...

Мы обошли весь зал и ни к кому не смогли пристроиться. Значит, мое новое стихотворение будет слушать только Хайдар Кемаль. Я посмотрел на Хайдара, лицо его было тоже кислое, и, видимо, по той же причине.

Мы сели у стойки, заказали по стакану вина и бутерброды.

Хайдар кивнул головой в сторону человека, который сидел за соседним столиком и пил в одиночестве.

– Кто это? Откуда взялся?

Человек походил на завсегдатая не нашего кабачка, а самого фешенебельного ресторана.

– Я его вижу здесь третий вечер, – ответил я. – Кто он? – Сидит один и пьет три вечера подряд? Посмотри-ка, чем только стол его не заставлен!

– Действительно, чего только нет.

– Не агент ли это тайной полиции? – проговорил Хайдар.

– Не думаю, – сказал я.

– А почему бы и нет?

– Посмотри, какие яства у него на столе? Нужно иметь большие деньги, чтобы заказывать такие ужины, а откуда они у агента, отслеживающего поэтов?

Потом мы забыли о своем таинственном соседе, стали читать стихи. Пройдоха Кемаль опередил меня.

– Ну как? – спросил он, кончив первое стихотворение.

– Замечательно, – похвалил я, сгорая от нетерпения. Я уже было открыл рот, но он перебил меня:

– Постой, у меня тут есть еще одна вещичка. – И опять стал декламировать. – Ну как? – спросил он.

– Шедевр...

– Это еще не все. Послушай-ка вот это...

Он читал и читал. Стаканы наши опустели, бутерброды тоже были съедены, а я все ждал своей очереди.

– Черт бы побрал эту нужду, вечное безденежье! – выругался Кемаль. – Неужели нам не удастся больше выпить? Где справедливость? Мы, молодые талантливые поэты, не имеем двадцати пяти курушей на стакан вина!

– Знаешь что, Кемаль Хайдар, – начал я, – у меня дома есть еще двадцать пять курушей, я берег их на завтра. До завтра еще нужно дожить, а пока закажем-ка еще по стаканчику, но читать буду я...

– Да-да, сейчас твоя очередь, брат мой... Эй, гарсон, еще по стакану вина!

Наконец-то дорвался! Когда я кончил первое стихотворение, Кемаль Хайдар молча посмотрел на меня.

– Что ты скажешь? – спросил я.

– Так, ничего себе...

Этот Кемаль, всегда расстроит, подлюга! Вылезет первый, слушатели его хвалят, до небес превозносят, думая, что и он ответит тем же. А он надувает губы, сморщит нос и процедит сквозь зубы: «Ничего, так себе». От своих слов не откажешься потом. Так и прослыл он у нас великим поэтом...

Мы еще поговорили о том, о сем, о литературе, об искусстве... Ни куруша в кармане не осталось, даже на автобус.

Мы поднялись, наш солидный сосед вдруг тоже поднялся и преградил нам путь.

– Извините, пожалуйста, господа, – начал он, – не будете ли вы так любезны оказать мне честь поужинать за моим столом?

– Помилуйте, что вы... – смутился я.

– Он хочет допросить нас. Совершенно ясно, это полицейский, – проговорил Кемаль шепотом.

– Вы осчастливите меня, господа, – приглашал сосед. Мы отодвинули стулья, которые подставил официант.

– Он не смог разобрать, о чем мы говорили, и теперь приглашает за свой стол, чтобы все выведать, – продолжал шептать Хайдар.

Нам обоим хотелось, чтобы кто-то нас выслеживал, подслушивал, устраивал донос. Это так возвысило бы нас в собственных глазах: правительство послало следить за нами платного полицейского! Нами занимается само правительство!

Я незаметно нагнулся к Кемалю:

– Что ты городишь болван? О чем таком мы говорили, чтобы стоило подслушивать?

– Вот посмотришь! Он отведет нас прямо в тайную полицию...

– Мухаррем Ускуруджу, дорожный подрядчик, – представился незнакомец.

– Нам не надо называть наших имен, вы и так нас знаете, – сказал Хайдар.

– Нет, не знаю, – ответил Мухаррем-бей.

Хайдар опешил:

– Вы не знаете, что я поэт Кемаль Хайдар?

– Очень рад, с вами познакомиться, – любезно сказал подрядчик.

– Значит, вы не знаете поэта Кемалья Хайдара? – не унимался мой приятель. – Даже имени такого не слышали?

– У вас много вышло книг... Мне, к сожалению, не довелось их читать.

– Мои книги?... Они еще не напечатаны... Скоро издадут. Мои стихи публикуются в журнале...

Теперь Хайдар убедился, что это не полицейский. Он спросил:

– Почему вы пригласили нас, неизвестных вам людей, к своему столу?

Подрядчик начал объяснять:

– Я уже неделю в Анкаре, по делу конечно. Сюда, в этот кабачок, я попал случайно, но мне здесь очень понравилось. Такая публика – все писатели, художники, молодежь. Сам я очень люблю поэзию, в молодости пописывал. Но потом дело, которым я занялся, поглотило все мои помыслы. Душа же моя тоскует по прекрасному. Я стал невольным свидетелем вашего разговора. О, какие высокие мысли вас волнуют!

Значит, этот человек слышал и наши жалобы на безденежье! Вот почему он пригласил к своему столу...

– Мне так захотелось познакомиться с вами, – продолжал он, – узнать поближе наших молодых поэтов.

– Смотри в оба, вот мы какие, – нагло сказал Хайдар, – небось, первый раз видишь настоящих поэтов!

Подрядчик сделал вид, что не расслышал эту грубость. Тогда Хайдар заговорил еще резче:

– Таких, как ты, людишек, хоть пруд пруди. Подумаешь, в молодые годы занимался рифмоплетством!

– Да, вы правы, – ответил наш сосед, криво улыбаясь.

Мне хотелось ущипнуть Хайдара, но я не мог дотянуться до него.

– Что прикажете заказать? – любезно обратился к нам подрядчик.

– Я не пью за одним столом с такими, как вы, это – оскорбление поэзии, – не унимался Хайдар.

Я пнул его ногой.

– Оскорбление?... Но я питаю к поэзии самое высокое уважение.

– То, что такие, как вы, берутся за перо, это – уже оскорбление.

– Ваша правда! – пытался свести к шутке этот неприятный разговор наш хозяин.

Я подсел поближе к Кемалю. Подрядчик поманил официанта.

– Слушаю вас, господа, – обратился он к нам.
– Благодарим вас, на столе есть все, что нужно, – ответил я.
Оглядев стол, Хайдар процедил:

– На столе нет анчоусов в масле!..

– Нет.

– Велите подать. А где жульен?

– Нет...

– Пусть принесут...

– Будет исполнено!..

– А бараний завиток?

– Нет...

– А я хочу...

Он требовал подать все, что приходило ему в голову.

– Кемаль, ты уж слишком... – шепнул я ему на ухо.

– Что с ним церемониться? – также шепотом ответил он. – По какому праву он может иметь все, а я ничего?

Подрядчик, по-видимому, кое-что расслышал и нахмурился. Скоро все было на столе. Откупорили вино. Хайдар опрокидывал стакан за стаканом, подрядчик вкрадчивым голосом говорил нам, как он страдает, что дела не дают ему возможности заняться поэзией, и как он любит стихи..

Неожиданно Кемаль Хайдар закричал:

– Да заткнись ты! Не затем мы пришли сюда, чтобы слушать это нытье... Начинай, – повернулся он ко мне.

– Прошу, прошу! – проговорил подрядчик.

Сначала читал я, потом Хайдар. Стаканы мгновенно пустели и тут же наполнялись снова.

Кемаль нагнулся к хозяину столика, вытянув шею.

– А вы знаете Арагона?

– Как вы сказали?

– Арагона...

– Как, как?... Это кто такой?

– Ну, а что вы скажете о Рембо?

– Ровным счетом ничего.

– А Верлен?

– Повторите, пожалуйста!..

– Ну, Достоевского-то, вы наверное, читали?

– Этот роман недавно вышел?

Кемаль задавал вопросы нарочито вежливым тоном.

– Хорошо. Рассела вы читали?

– А где он?

– Лермонтов вам знаком?

– Нет...

– Ты не знаешь, кто такие Арагон, Рембо, Верлен, не читал Достоевского и Лермонтова. Не слышал даже моего имени. И ты, такое ничтожество, имеешь наглость приглашать нас к своему столу, в то время как мы не имеем ни гроша в кармане!..

Подрядчик еще больше нахмурился.

– Стейнбека ты, конечно, тоже не читал, про Уитмена даже не слышал. Книг Рассела и Томаса Манна в глаза не видел. Какое же ты право имеешь роскошно жить и сорить деньгами? Есть эти закуски, пить это вино?.. Дерьмо ты...

Подрядчик встал бледный, пальцы его дрожали. Он рывком бросился на Хайдара.

– Эй вы, голодные собаки, – кричал он, – проходимцы голодраные, у которых нет нескольких курушей на стакан вина! Я напоил и накормил вас – и вот благодарность. Что я сделал вам плохого? Бродяги!

– Успокойтесь, господин, – вмешался наконец я, – не стоит обижаться на моего приятеля, он ведь пьян.

А Кемаль с той же удивительной вежливостью продолжал:

– Этого не знаешь, о том не слышал! Только деньги загребать умеешь! Какое ты право имеешь тратить на себя столько денег?

Подрядчик вновь вскипел:

– Черт бы вас подрал!.. Набили желудки моим добром, и блохи вас начали кусать, голодные псы!.. Слава Аллаху, что я бросил эту поэзию!.. Был бы таким же бродягой! Не зря наше правительство не признает вас за людей и держит в нищете.

Если бы Кемаль замолчал, то и подрядчик бы успокоился. Но того будто бы бес какой за язык тянул. Подрядчик вскочил на стол, прыгнул на Хайдара и, схватив за ворот, потащил на улицу. Никто не помог бедняге вырваться из рук противника. Тот будто озверел... Хайдар сквозь стоны выкрикивал:

– Какое право ты, предатель, имеешь приглашать нас к столу... Мы

поэты! Скотина, не знает даже Арагона, Вердена!

– Вот тебе Арагон, вот тебе Верлен, вот тебе за этого, как его?! И за того... – лупил его подрядчик.

Потом этот сильный, солидный мужчина свалился у стены и чуть слышно забормотал:

– Вот тебе... Ох, мое сердце! Я совсем обессилел!.. Умираю!..

Кемаль Хайдар растянулся у противоположной стены. Оба не могли шевельнуться, только время от времени перебрасывались ругательствами:

– Ничтожество... не читал Лермонтова!

– Голодный пес!.. Бродяга бездомный!..

– Пушкина не знает, а туда же суется, за один стол со мной лезет!..

– Набил брюхо и разговорился!

Они уже еле шевелили языками. Потом совсем охрипли и начали кидать друг в друга камешки с земли. Когда перестали попадаться камни, Кемаль плюнул в сторону подрядчика.

– Пфу-у!

– Пфу-у! – не замедлил ответить тот.

Так они лежали и плевались. А потом утихли... Вероятно, Хайдар уснул, подрядчик потерял сознание, а может, и умер.

Мы с приятелем втащили Хайдара в автомобиль и отвезли домой. Подрядчика оставили лежащим у стенки. Потом гарсон затащил его в кабачок.

* * *

Прошло много лет. Как же сложилась моя судьба, спросит читатель.

Недавно я ужинал с одним приятелем в ресторане. Ко мне подошел человек.

– Не узнаете? – спросил он.

– Простите, нет, – ответил я.

Он напомнил мне историю, о которой я рассказывал выше. Это был тот подрядчик.

– Забыл ваше имя, – сказал он.

– Хасан... – напомнил я.

- А как звали вашего приятеля, с которым я тогда дрался?
 - Кемаль Хайдар.
 - Если говорить начистоту, ваш приятель был прав... – Помолчал немного и добавил: – Конечно, прав. Я сейчас отдал бы все свое состояние, лишь бы оказаться на его месте. Но талант на деньги не купишь. Выходили его книги? Что-то ни одной мне не попадалось. А я так и не узнал ничего о тех поэтах, имена которых он называл. Чем сейчас занимается Кемаль Хайдар?
 - Сейчас? Он чиновник в министерстве общественных работ, кажется, заведует отделом сухопутных дорог. Точно я не помню.
 - Так... А книги его выходили?
 - Точно не знаю, одна, кажется, вышла или две...
 - Да... А вы чем занимаетесь?
 - Я?... Я за многое брался. Долго дела мои не клеились. Сейчас я работаю у одного подрядчика.
 - Да-да-а!
- Лицо моего соседа сначала озарила улыбка, а потом он с грустью проговорил:
- Все мы в молодости увлекались поэзией... Satiriki hekaýalar